

И.М. ГУБКИН

**АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ
ОЧЕРКИ**

Министерство образования и науки Российской Федерации

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
НЕФТИ И ГАЗА имени И.М. ГУБКИНА

*140-летию со дня рождения академика
Ивана Михайловича Губкина
посвящается*

И.М. Губкин

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

*В. Игнатовича
Виктору
Владимировичу
от
автора-составителя
И.А. Сахар*

Москва 2011

Гараевская И.А., Ефимочкина Н.Б.

Автобиографические очерки / Под ред. В.Г. Мартынова. – М.: РГУ нефти и газа имени И.М. Губкина, 2011. – 60 с.

Книга представляет собой оригинальные автобиографические очерки.

Автобиографические очерки академика И.М. Губкина составлены из опубликованных при его жизни и архивных материалов, подготовленных им для различных учреждений.

Составители благодарят за представленные материалы:

Музей истории РГУ нефти и газа имени И.М. Губкина,
Архив Российской академии наук,
Государственный архив Республики Азербайджан,
Государственный геологический музей им. В.И. Вернадского.

*Книга издана на средства Научно-технического общества
нефтяников и газовиков имени академика И.М. Губкина*

© Гараевская И.А., Ефимочкина Н.Б.,
2011

© Издательский центр РГУ нефти и газа
имени И.М. Губкина, 2011

ПРЕДИСЛОВИЕ

21 сентября 2011 года исполнилось 140 лет со дня рождения выдающегося ученого-геолога Ивана Михайловича Губкина, имя которого носит наш университет и научно-техническое общество нефтяников и газовиков.

Человек удивительной судьбы пришел в науку уже зрелым: ему было под сорок. А до этого был долгий тернистый путь к знаниям, всепобеждающая любовь к книгам, борьба за право учиться. Прошел путь от сына крестьянина, ставшего учителем сельской школы до вице-президента Академии наук, всемирно известного геолога, «открывателя подземных недр», работы которого создали славу российской науки. Преодолевая трудности, Иван Михайлович вошел в геологию как человек, ученый, организатор и стал ее гордостью.

Являясь руководителем геологической службы страны, И.М. Губкин возглавлял государственные комиссии, председательствовал в комитетах и секциях по изучению и освоению природных богатств России. Феноменальная интуиция геолога-разведчика в сочетании с глубокими теоретическими и практическими знаниями позволила ему решать труднейшие задачи. При непосредственном участии И.М. Губкина формировалась нефтегазовая промышленность страны: он руководил поисками нефти в Поволжье, организовал разведку нефти в Средней Азии, Приуралье, на Крайнем Севере, стал инициатором изучения железорудных запасов Курской магнитной аномалии. Нефтяным богатством Сибири страна обязана Губкину, предсказавшему нефтяное будущее сибирского региона.

Трудно переоценить заслуги И.М. Губкина в организации системы нефтегазового образования России: именно он основал Московский нефтяной институт, который носит теперь его имя. В созданном И.М. Губкиным Московском нефтяном институте раскрылся его, мно-

гогранный талант: с удивительным мастерством, ярко и увлекательно читал он лекции, подготовил и воспитал плеяду инженеров-нефтяников и талантливых ученых – продолжателей его дела, создал научную школу. Губкиным заложены традиции, ставшие фундаментом деятельности вуза на многие десятилетия – «наука-образование-производство».

И сегодня Губкинский университет, сохраняя и развивая дело своего основателя, стал флагманом российского нефтегазового образования.

В.Г. Мартынов

MEMBER OF THE ACADEMY OF SCIENCE OF U. S. S. R.

ADDRESS :
LEONTIEVSKI, PER. 25, APT. 14,
MOSCOW, U. S. S. R.

Родился в сентябре 1871 года в селе Богданово Муромского уезда Владимирской губ.
в семье бедного крестьянина. Поскольку я помню отца, мой дед занимался
отхожим промыслом. Знаний было мало. Окончил крестьянским неграмотным
хозяин от на р Волгу в Астрахань и там работал на рыбных промыслах.
Уходил из дому в начале марта, а возвращался только половиной мая.
Из этой же крестьянской работы лежала на отеческой половине семьи
только одна мать - неграмотная работница. Но мой родителем
как неграмотный человек. Отец был неграмотным или "тупым", как
они тогда говорили. У меня отсюда насчет было пятеро: две сестры
и три брата из коих ^{избранных} самым старшим. Отец был неграмотно со своим
делом. Брат, который был тогда начал службу. Окончив школу,
это было много, а настоящих работников - два человека, так по-прежнему
переезжал от отца и мой дед. Различные управления, служил в
таможенном в Вуках мой дедушка по отцу. Это была у меня, но и через
старуха. Она крепко держала брады правды и не давала старухи
ни "никому" ни слова, а нас своих вела, которая в Покрове
находилась 42 виллы, находилась и порту Белого моря. В моей семье
бабушка Григорьевна Никифоровна сыграла важную роль. Ей я обязан
тем, что все, а потом маме отцу. Это, что, как говорится, от
всего. Она настояла на том, чтобы меня отдал в семинарию много лет,
когда мне исполнилось 12 лет. Это было в сентябре 1880 года в то время
школа не находилась еще на том красном среди крестьян. Я там
был, там школа, как отцу, и дедушка по дороге в семинарию. Там виллы
такого много, всем своим "да мыслит меня, там сир". Но там "не
находилась". Я попал в семинарию, школу. Своей личной приваженностью
отомынного нашего учителя Николая, Григорьевича Сперанского. Он был
во мне, выражался высоким ядром, там же, там же. Он не был обратным
... он возмужал, на мой неграмотный способ. Там и там виллы
моя бабушка и отцу, мы все, что не виллы там "там же".
... а виллы там же ...

Родился я 9 сентября (по старому стилю) 1871 г. в селе Поздняково бывшего Муромского уезда Владимирской губернии, в семье бедного крестьянина.

Отец мой всю жизнь занимался отхожим промыслом. Земли у нас было мало. Одним крестьянством прокормиться было нельзя, поэтому отец ходил на Волгу, в Астрахань, и там работал на рыбных промыслах. Он пользовался большим уважением среди рабочих и одновременно был у них артельщиком. Он без записи помнил, когда и где брал в долг деньги, кому и когда выдавал ту или иную денежную сумму. Уходил он из дома обыкновенно в начале марта, а возвращался в середине ноября.

Вся тяжесть крестьянской работы — пахота, косьба, жатва — лежала на женской половине семьи во главе с моей матерью, неутомимой работницей. Ложилась она всех позже и вставала всех раньше.

Мои родители, как и все остальные члены семьи, были люди неграмотные. У моего отца нас, детей, было пятеро: две сестры и три брата; из братьев я самый старший.

Отец жил нераздельно со своим младшим братом, у которого тоже была немалая семья. Одним словом, ртов было много, а настоящих

работников — два человека. Так, по крайней мере, думали мой отец и мой дядя, не учитывая той огромной работы по крестьянству, которую производила женская половина семьи.

Караван судов на Волге. 1894 г.

**Деревенская жизнь.
Фото М. Дмитриева. 1897 г.**

«Верховное управление» в семье сосредоточивалось в руках моей бабушки по отцу – Федосьи Никифоровны. Это была умная и твердая старуха. Она крепко держала в своих руках бразды правления и не

давала потачки ни сыновьям, ни снохам, а нас, своих внучат, которых в Поздняково насчитывалось сорок два, любила и порой баловала.

В моей судьбе бабушка Федосья Никифоровна сыграла решающую роль. Тем, что я, как говорится, вышел в люди, я, прежде всего, обязан ей, а потом уже моему отцу. Она, эта неграмотная женщина, когда мне исполнилось девять лет, настояла, чтобы меня отдали в сельскую школу. Это было в сентябре 1880 г.

Школа среди крестьян не пользовалась еще полным признанием, да и сам я боялся ее, как чего-то неизвестного. Был я в ту пору религиозным мальчишкой и помню, горячо молился всем святым: «Да минует меня чаша сия». Почему я боялся школы – не знаю.

Но «чаша» не миновала. Я начал учиться. Вскоре обнаружилось, по признанию моего учителя, что я выделялся среди своих товарищей-школьников некоторыми повышенными способностями. Особенно легко мне давались те предметы, где требовалась быстрая смекалка и запоминание. Память у меня была великолепная; очевидно, я ее унаследовал от отца.

С особенной признательностью вспоминаю я нашего учителя Николая Флегонтовича Сперанского. Он разбудил во мне огромную любознательность. Он же первый обратил внимание на мои, как он выражался, недюжинные способности и стал внушать бабушке и моему

отцу, что нельзя эти «таланты» зарывать в землю и мальчишку следует отдать учиться дальше.

Да и сам я, под влиянием учителя, заразился мечтой о дальнейшем образовании. В семье началась война. Образовалось два лагеря. Во главе одного стояла моя бабушка, ее поддерживал отец. Они были за то, чтобы меня учить. Другие – во главе с моей теткой по матери – были против. Отец, как человек бывалый, не мог не оценить значения грамотности. По его мнению, я, будучи «крепко» грамотным, особенно с хорошим почерком, могу сделаться приказчиком или конторщиком и буду зарабатывать большие деньги. Эту же точку зрения полностью разделяла и бабушка. «Консервативная партия», к которой присоединилась моя мать, рассуждала так: «Зачем нам грамота? Нам нужно, чтобы из парня вышел хороший работник в хозяйстве, а будет он ученым – отобьется от рук, от крестьянства, и помощи от него не жди».

Об «ученых» в семье было вообще оригинальное представление: ученые родителей не уважают, царя не почитают и в бога перестают веровать. Так зачем же человека портить? Эти соображения особенно сильно влияли на мою мать, а порой сбивали с толку и бабушку. Отца «идеологические» мотивы, по-видимому, не интересовали.

По мере того, как приближался срок окончания сельской школы, споры о моей дальнейшей судьбе обострялись. С одной стороны, настояния учителя, поддерживаемого бабушкой и отцом, с другой – моя собственная непримиримость озлобляли «противников». Моя тетка в спорах со мною частенько пускала в ход не только доводы, но и ремень.

Когда весной 1883 г. я окончил сельскую школу, то остался у разбитого корыта, но своих позиций сдавать не хотел. Я поднял бунт, и сошлись на компромиссе: решили, что пока я буду помогать учителю в его занятиях, а отец приедет к зиме и все разрешит.

Экзамен в сельской школе.
И.Е. Репин. 1878 г.

К зиме отец вернулся. Я повел атаку на него и бабушку. Тем временем, помогая учителю в его школьных занятиях, начал запоем читать

книги. Читал без всякого разбора все, что попадалось под руку, до «житий святых» включительно. Стоило мне узнать, что в таком-то селе или деревне есть книжка, — меня не стесняло расстояние, — я шел и добивался ее.

Зимой приехал ревизировать нашу школу инспектор народных училищ. Ему рассказали обо мне. Он вызвал моего отца и, очевидно, повлиял на него настолько сильно, что отец обещал отдать меня в Муром в уездное училище. «После, — говорил инспектор, — он может попасть и в учительскую семинарию и сделаться сельским учителем. Так и образование получит и от крестьянства не оторвется».

Меня этот идеал — быть сельским учителем — вначале вполне удовлетворял.

Отец свое слово сдержал. Летом из Астрахани он написал письмо бабушке и, прося у нее родительского благословления, настойчиво требовал отдать меня в уездное училище в город Муром.

Моя участь была решена.

Через две недели я был на молебне перед началом занятий. В поддевке, подстриженный по-деревенски в скобку, я казался «гороховым чучелом» среди городских детей, одетых в пиджачные костюмы. Сколько было смеха и издевательств над моей одеждой, прической и над деревенским моим говором! Но сильные деревенские кулаки и положение первого ученика, которое я занял в уездном училище и неизменно сохранял за все время обучения, внушили должное

ко мне уважение. А помимо всего прочего к концу года мою поддевку заменили на пальто, одели меня в пиджак, остригли по-городскому, так что и наружностью я перестал отличаться от других ребят.

Первый год я жил у знакомой моей бабушки, неподалеку от училища. Жил я там в ужасных условиях, в помещении, которое служило баней. Кроме того, меня там использовали на побегушках. Поэтому мои семейные решили, по совету того же смотрителя уездного училища, переменить квартиру и поселили меня у школьного сторожа в подвальном помещении.

Я платил сторожу два рубля в месяц за квартиру, а мать и тетка, которые примирились со мной окончательно, приносили из дому провизию. Сторожиха готовила мне простой сытный обед, мать и тетка помогали сторожихе мыть полы и убирать училище, носили дрова. Изредка навещал меня и отец. Еще реже приезжала бабушка.

Несмотря на то, что жил я в подвале, настроение у меня было самое бодрое. Я чувствовал себя счастливым и мечтал о дальнейшем образовании.

В длинные зимние вечера, выучив уроки, с которыми мне удавалось легко справиться, я продолжал запоем читать и читал так много, что по окончании уездного училища стал близоруким.

В третьем классе уездного училища я уже имел возможность кое-что подработать, репетируя отстающих учеников из состоятельных семей.

Муромское городское трехклассное училище (бывшее уездное). Открыто в 1779 г. попечением и милостью императрицы Екатерины II как всенародное уездное училище

Уроками я зарабатывал уже столько, что и квартиру и стол оплачивал сам.

Весной 1887 г. я окончил уездное училище. Снова со всей остротой встал вопрос: а что дальше? На этот раз и отец был против дальнейшего продолжения учения. «Будет, выучился, – говорил он. – Поступай в конторщики или становись за прилавок. Тебе уже шестнадцать лет, пора отцу помогать». Остальные члены семьи тоже не понимали моих стремлений, и я очутился в полном одиночестве. Тем не менее, твердо заявил, что хочу учиться дальше. «А на какие средства?» – спрашивали меня родные. «Поеду в учительскую семинарию, выдержу хорошо приемные экзамены, получу земскую стипендию, от вас не возьму ни копейки. Если нужно – вам буду помогать».

Поспорили, погорячились, но делать было нечего. Семья уже не могла оказать мне большого сопротивления.

В начале августа 1887 г. с котомочкой, в которую были сложены мои книжки и немудреные пожитки, я отправился в город Киржач Покровского уезда Владимирской губернии, который расположен приблизительно в 100 км от Москвы. Здесь я успешно выдержал приемные испытания и был зачислен воспитанником Киржачской учительской семинарии.

Учительская семинария была расположена не в самом городе, а приблизительно в 1 ½ – 2 км от него, среди соснового бора на красивом берегу р. Киржач. Размещена она была в отдельных деревянных корпусах. В главном корпусе размещалась церковь и классы, а в других – спальни воспитанников, об-

Класс географии образцовой школы. 1880-е гг.

разцовая двухклассная школа, больница, квартиры наставников и директора. С трех сторон семинария была окружена забором, а четвертая примыкала к реке, на которой зимой разбивали чудесный каток. За оградой семинарии сейчас же начинается великолепный лес, в который мы воровским образом, нарушая суровую школьную дисциплину, бегали гулять.

Мы жили в спальных корпусах. Это были огромные комнаты с некрашеными стенами и грязными полами. В каждой комнате в два ряда стояли железные кровати, разделенные деревянными тумбочками. В матрацах было такое обилие насекомых, что нервным и впечатлительным людям, как я, эти насекомые снились через много лет. Общие уборные и умывальники освещались керосиновыми лампочками. Настоящая казарма!

В шесть часов утра нужно было по звонку встать, кое-как умыться, одеться и бежать на молитву... Бежали через весь двор, иногда в одних калошах, не успев надеть сапоги. Тех, кто опаздывал, заносили в кондуит, сбавляли отметки по поведению, а при «повторных проступках» дело доходило даже до лишения стипендии. После молитвы завтрак: чай и черный хлеб. Белая булка была лакомством и полагалась только по воскресеньям. После завтрака классные занятия до четырех часов. Около пяти часов мы обедали. Обед обычно состоял из супа и каши. Мясное блюдо представляло большую редкость. И в самом деле, каких же можно ожидать разносолов на месячную стипендию семинариста в 6 руб. 67 коп? Ни тарелок, ни вилок за обедом не

Один из корпусов Киржачской учительской семинарии.
Конец XIX – начало XX века

полагалось. Общая чашка на всех и ложка. Получалось так: кто смел, тот и съел, а кто немножко посовестливей, тому ничего не хватало. После обеда был перерыв на два часа, и вот в этот перерыв мы умудрялась убегать в лес, несмотря на самый строгий надзор со стороны наших наставников. За это нас наказывали, сбавляли отметки по поведению. На этой почве у нас происходило много конфликтов. С семи часов вечера продолжались занятия в том же классе под надзором наставника, при свете коптилок, которые были прикреплены к партам. Занимались приготовлением уроков и чтением. В то время я читал Майн Рида, Жюль Верна, Купера. Прочел «Войну и мир», «Анну Каренину» Толстого, «Обломова», «Обрыв» Гончарова. Тогда же я прочел и Достоевского. После занятий, в девять часов, мы ужинали, снова шли на молитву и в спальни.

Настоящий монастырский режим. И так изо дня в день в течение всего учебного года!

Это были 1887–1889 годы, годы мрачайшей реакции во всех областях общественной и политической жизни, когда люди разговаривали друг с другом шепотом, чтобы кто-нибудь не услышал. В этот период министром просвещения был граф Делянов – душитель просвещения, считавший, что кухаркиным детям не должно быть места ни в гимназии, ни в реальном училище.

Директор нашего «монастыря» тоже был настоящим реакционером, установившим для нас самый жестокий и беспросветный режим. Правда, этот режим часто нарушался, с одной стороны, чтением запрещенной литературы, с дру-

гой, иногда, будем говорить прямо, пьянками, которые устраивались воспитанниками под большим секретом. Но тайна в конце концов становится явной. За все это следовали суровые репрессии.

И все же новые слова, точно струя свежего воздуха, проникали в зловонную атмосферу нашей семинарии. Среди наших наставников были люди, которые интересовались общественными и политическими вопросами. Особенно вспоминается мне заведующий двухклассной образцовой школой, где мы давали уроки, учитель Константин Степанович Бедринский. Он был человек новый, либерального образа мыслей, в прошлом воспитанник нашей семинарии. Получив у него задание для пробного урока, мы не спешили уйти, у нас завязывались оживленные беседы. Бедринский рассказывал нам о новых течениях в общественной мысли, о новинках литературы, заводил разговор о писателях, особенно о тех, произведения которых в семинарии было запрещено читать.

Мы проходили литературу только до Пушкина. Да и Пушкин-то преподносился нам в урезанном, обкорнанном виде, а все, что было после Пушкина, вообще считалось запретным плодом. И Тургенев, и

Толстой и, в особенности, великий сатирик Салтыков-Щедрин, и вся остальная новая литература были для нас запрещены. Даже Достоевского нельзя было читать. Однажды директор застал меня за чтением одной из его книг. Произошел крупный скандал и я попал в число неблагонадежных элементов.

Преподаватель словесности Киржачской учительской семинарии В.Ф. Андреев.
1895 г.

В семинарии мы жили на артельных началах. Стипендию тратили не каждый в отдельности, по своему усмотрению, а артельно. Когда я был в третьем классе, товарищи выбрали меня артельным старостой. Среди товарищей я пользовался уважением, а среди своих наставников, и в особенности у директора, считался беспокойным элементом.

В третьем классе с началом учебного года у нас появился новый учитель словесности – Андреев, свежий человек, недавно окончивший университет. Он начал более широко знакомить нас с литературой и оживил преподавание русского языка, стараясь заинтересовать нас построением слова и речи. Он не просто заставлял нас заучивать какую-нибудь грамматическую форму, а показывал, как эта форма возникла и какие стадии развития она прошла до того, как вылилась в современном виде. И если раньше грамматика с ее наклонениями и спряжениями была для нас исключительно скучной вещью, то в преподавании Андреева она возбуждала живейший интерес.

Во второй половине учебного года, когда я был в третьем классе и мы с нетерпением ожидали окончания семинарского плена, произошло событие, имевшее для меня исключительно большое значение, отразившееся и на последующей моей деятельности, по окончании учительской семинарии.

В нашем классе был один из воспитанников, фамилию его называть не буду, может быть, он еще и сейчас жив. Он давал уроки в директорском доме, обучая грамоте детей директора. Мы узнали, что он на нас доносит. На этой почве у нас с ним произошел острый конфликт. Перед вечерними занятиями в классе я написал резкие стихи, посвященные этому человеку, в которых охарактеризовал его как директорского холоуя. Один из моих товарищей над моими стихами сделал надпись, кому стихи посвящаются. Придя на классные занятия, наш противник стихи списал и отнес их директору. Директор принял

эти стихи как выпад не только против воспитанника и его домашнего учителя, но и против себя. Он стал усиленно искать автора.

Эти события произошли в конце февраля, накануне 1 марта. 1 марта у нас отмечалось особенным образом. В этот день служилась большая панихида по Александру II; все семинаристы собирались в церкви на панихиду, и беда тому, кто хотя бы на минуту опаздывал. Я, в качестве артельщика, задержался в кладовой, отпуская к обеду припасы для поваров, и на панихиду запоздал; пришел, как говорится, к ее отходу. После панихиды директор пригласил нас в класс и обратился с такой речью: «Учитесь вы хорошо, но дух у вас скверный, гнилой, либеральный. Если этот дух вы будете питать в себе, то карьера вам не в народные учителя, а в тюрьму. Народный учитель должен учить крестьянских детей быть твердыми в православной вере, любить своего батюшку-царя и в случае нужды отдать за веру, царя и отечество свою жизнь. Особенно меня беспокоит направление воспитанника Губкина. Он из вас наиболее способный, и, судя по тому, что он пишет стихи, и наиболее талантливый. Но вместе с тем, он является и наиболее неблагонадежным воспитанником, Я даже не знаю, как он может быть народным учителем!»

Долго он нам читал рацею в духе православия и самодержавия, а потом спросил:

– Скажите, кто написал стихи на Н.?

Молчание.

– Так и не скажете?

Снова молчание...

Тогда я обратился к директору и говорю:

– Ну, что дурака валять, я написал стихи. Никого не трогайте, что хотите, то со мной и делайте.

Директор нас отпустил. В тот же вечер был собран совет, на котором был поставлен вопрос об исключении из семинарии меня и дру-

гого воспитанника, который над моими стихами написал посвящение. На совете голоса резко разделились. Часть членов совета заступилась за меня:

— Осталась два месяца до конца курса, а вы человека исключаете. Он от этого не погибнет, пойдет в другую семинарию, сдаст экзамен на учителя и будет учителем, но имейте в виду, что он был у нас все время артельщиком, он знает финансовое положение со стипендиями и вряд ли будет молчать обо всех безобразиях, которые ему хорошо известны.

Этот аргумент, по-видимому, оказался решающим. Вопрос о моем исключении был снят. Сошлись на таком компромиссе: мне поставили тройку за поведение и лишили меня стипендии до конца года. Но тут пришли на помощь товарищи, которые собрали средства и дали мне возможность окончить семинарию.

К концу учения в семинарии от моего старого мировоззрения не осталось камня на камне. Из семинарии я вышел безбожником, несмотря на то, что нас заставляли бить поклоны и ходить в церковь. Приехал я в семинарию с представлением о царе как о земном боге, а уехал революционно настроенным. Ужаснейший гнет в семинарии пробудил во мне элементы бунтарства.

Семинарию я окончил с круглыми пятерками и с четверкой по поведению. Четверка за поведение означала для народного учителя волчий билет. Вместе с тем, директор, считая меня политически неблагонадежным, донес жандармерии и владимирскому губернатору о моей неблагонадежности и просил таким обра-

Народный учитель И.М. Губкин

зом наблюсти, чтобы мне не удалось где-нибудь получить учительское место. Меня об этом предупредили.

Аттестата у меня не было, было дано удостоверение об окончании курса, и смотритель, ничего не подозревая, назначил меня на первое попавшееся место – в училище в село Жайское, расположенное от Мурома приблизительно в пятидесяти-шестидесяти километрах вниз по Оке, на ее правом высоком берегу.

Когда я получил звание учителя, я уже был не учителем-ремесленником, а учителем-общественником с горячим стремлением служить народу.

Приехав в Жайское, я усердно принялся за учительство. Попечителем моей школы был местный богач Быков типа Колупаевых-Разуваевых, которых так ярко изобразил гениальный сатирик Салтыков-Щедрин. Учителя, бывшего до меня в Жайском, из школы убрали по настоянию этого попечителя.

Меня заставило насторожиться еще одно обстоятельство. Месяца через два после моего приезда в село Жайское приехали жандармы с обыском. Ничего у меня не нашли. Но это был период дялиновского режима в школах. Я понял, что должен поставить себя в глазах начальства должным образом. Этим и объясняется мои аккуратные посещения церкви вместе с ребятами.

В Жайском, несмотря на хорошее ко мне отношение крестьян и особенно моих учеников-ребятишек, у меня создалось щекотливое положение. Я думал, что вряд ли удержусь здесь, и смотритель, который меня назна-

Село Жайское. Сельская церковь, куда учитель И.М. Губкин должен был водить своих учеников каждое воскресенье и по праздникам

чил сюда, понял, что меня нужно держать поближе к себе. Он, не дожидаясь резкого разрыва с Быковым, перевел меня в село Карачарово. Когда меня перевели в Карачарово, у меня возникла мысль оставить учительство. Я чувствовал, что вряд ли удержусь на этом поприще, и, кроме того, во мне не угасало страстное желание дальнейшего образования.

За свою стипендию в учительской семинарии я был обязан прослужить народным учителем пять лет. Я подал прошение на имя министра, чтобы мне этот срок сократили, ввиду моего намерения ехать для продолжения образования в Учительский институт. От Делянова пришло извещение, что я должен дослужить срок до конца. Я его дослужил.

Занятия в школе в Жайском и в Карачарове оставляли довольно много свободного времени. Длинные зимние вечера я употреблял на самообразование. В Жайском у местного попа на чердаке я нашел ряд чрезвычайно интересных книг, оставленных здесь каким-то его родственником, уехавшим на службу в Сибирь: «Основные начала» Спенсера, «Происхождение видов» Дарвина, «История умственного развития Европы» Дрэпера, «Геология» фон Котт и др. Эти книги я перетащил к себе и зачитывался ими.

Годы учительства были для меня университетом. Если в семинарии я начал знакомиться с литературой, то в этот период я расширял и пополнял свои знания.

Чтобы удовлетворить свои общественные стремления, а они у меня были довольно живыми, я еще в Жайском решил организовать чтения для народа. Легально это можно было устроить только под видом так называемого «Общества трезвости». И вот я с первого же года учительства начинаю хлопотать об организации этого общества среди крестьян села Жайского. Моя попытка не привела ни к чему. Крестьяне в «Общество трезвости» не пошли, и устроить публичные

чтения не удалось. В это дело вмешалась полиция и духовенство, которые в подобном начинании усмотрели попытку революционной пропаганды.

В Карачарове круг моего знакомства расширился. Мне удалось познакомиться с рядом прогрессивных московских педагогов того времени: Вахтеровым, Тулуповым, Шестаковым; последний в то же время был секретарем редакции либеральной газеты «Русские ведомости». К этим педагогам-общественникам я приезжал в Москву на пасхальные и рождественские каникулы. Через них я попал в члены Московского и Петербургского комитета грамотности и сумел организовать для населения Карачарова чтения с «волшебным фонарем», что было новинкой не только для села Карачарова, но и для самого города Муром. Этим я привлек не только симпатии населения, но и острое внимание жандармов.

Бывали такие случаи: классная комната, я веду чтение, показываю на экране картину, а в моей комнате при училище идет обыск, в моем шкафу, столе и сундуке гуляет рука жандарма. Нелегального я у себя ничего не хранил, так что жандармы уезжали ни с чем. Запретить же чтение, очевидно, было неудобно, тем более, что попечительницей моей школы была графиня Прасковья Сергеевна Уварова, известный ученый-археолог, которая покровительственно относилась к моим просветительным начинаниям. Ее, как лицо влиятельное, побаивались и исправник и жандарм. Прикрываясь ее высоким положением, мне удалось организовать и библиотеку.

В Карачарове круг моего чтения значительно расширился. Здесь я прочитал

Прасковья Сергеевна Уварова

многих наших классиков и впервые начал по-настоящему знакомиться с идеями борьбы рабочего класса; начал понимать революционную роль пролетариата и его великое значение в борьбе за освобождение труда от капитала. Огромную роль в росте моего революционного сознания сыграл народоволец А.Ф. Страшной, с которым я познакомился в период моего пребывания в Карачарове.

Страшной жил в восьми километрах от Карачарова в селе Акулове, куда был сослан. Он и сделался центром притяжения всех наиболее радикально и прогрессивно настроенных элементов учительства.

Когда я организовал чтения в Карачарове, ко мне поступила просьба устроить и в Акулове чтения. Эта организация чтений способствовала связи между мною и Александром Федоровичем.

У него я нашел книги, которые повлияли на выработку у меня марксистского мировоззрения: «Программа работников» Лассаля – речь о задачах четвертого сословия, произнесенная в одном из предместий Берлина, статьи Лассаля о конституции и его «Судебный процесс». Все это было для меня откровением. Помимо этого я читал и другую литературу. Такие книги Салтыкова-Щедрина как «Господа Головлевы», «История города Глупова», «Господа ташкентцы», «Сказка о премудром пескаре» и другие не менее ярко раскрывали передо мной картину общественного и политического гнета, всю глубину бесправия русского общества. Помню, огромное впечатление произвел на меня роман Шпильгагена «Один в поле не воин», где герой Лео Гутман говорит о том, что все в человеке должно быть направлено к достижению своей цели, на пути к которой должны быть сметены все препятствия.

Чтение подобной литературы, так же как и политических книг, вело к одному – к формированию моего революционного сознания.

Будучи учителем, я написал статью о народных чтениях, где изла-

гал свой личный опыт. Эта статья была напечатана в журнале «Образование» и является моим первым выступлением на научно-литературном поприще. Появилась она в 1895 г., когда я уже был в Петербурге воспитанником Учительского института. Сейчас идет сорок первый год со времени первого моего выступления в печати.

Несмотря на то, что моя учительская деятельность носила не только профессиональный, но и общественный характер, я не был удовлетворен ею. Меня тянуло, как чеховских трех сестер, «в Москву, в Москву, в Москву» или в Питер.

В 1895 г. кончился срок моей службы за стипендию. Я становился свободным человеком. 6 августа я со своими пожитками направился в далекий и неизвестный мне тогда Петербург.

Первое, что поразило меня по приезде в Петербург – запах гари в воздухе, который долго меня преследовал. Мне было тогда двадцать четыре года. Все это время, за исключением небольшого срока, проведенного в захолустном городе Муроме, я жил в селе, на лоне природы, в раздолье полей, лугов, в тени лесов. Моя школа в селе Карачарове стояла на высоком берегу Оки. Из окон школы открывался прекрасный вид на всю ширь правого, пойменного берега. Очаровательная картина, которая и теперь живо стоит перед моими глазами.

Занятия в школе продолжались с сентября до первых чисел мая. Около четырех месяцев в году я был свободен. На это время я уезжал

в свое родное село и работал как заправский крестьянин – пахал, косил, подмазывал колеса у телег, налаживал соху, отбивал косы.

Санкт-Петербургский Учительский институт. Снимок 1902 г.

Ловкостью в крестьянской работе я утешал своих родителей и особенно бабушку.

Кроме того, я оказывал им и существенную материальную помощь. Работая в Жайском училище, я получал в месяц 16 руб. 66 коп., а в Карачарове – 18 руб. 33 коп. Четырехмесячное летнее жалованье я отдавал целиком в семью, кроме того я кое-что сэкономил и за зимние месяцы, так что моя денежная помощь семье вырастала в год, примерно, в восемьдесят-девять рублей, т.е. была немногим меньше того, что приносил отец от своих заработков. Материальная поддержка и участие в крестьянских работах – вот что получала моя семья от своего образованного сына. По тем временам эта помощь была вполне конкретной и очень значительной для нашей небогатой семьи.

Поэтому мои семейные были чрезвычайно огорчены, когда я снова «снялся с якоря» и пустился в открытое плавание.

– Уедет в Питер, помощи не видно будет, самому нечем будет жить – считали они.

Однако на свободу моего выбора в этот раз они не посягали, знали, что я сделаю то, что признаю для себя полезным.

В Питере в материальном отношении жить мне пришлось очень туго. Когда кончились приемные экзамены и я был зачислен слушателем Петербургского учительского института, у меня осталось в кармане всего девять-десять рублей. Рассчитывать на стипендию, которую получали слушатели Петербургского и других учительских институтов, я не мог, ибо приехал из другого учебного округа, из Московского, где был свой учительский институт. Меня как «чужестранца» приняли в институт на свой кошт.

С первых же шагов моего пребывания в Петербурге пришлось думать о заработке. На мое счастье, я довольно скоро получил работу в одном из архивов департамента земледелия по составлению архивных карточек. Платили мне по копейке за штуку. Предоставил мне

эту работу один из преподавателей учительского института Петр Александрович Шафранов, который, одновременно с преподаванием в институте, совмещал службу в департаменте земледелия в качестве заведующего архивом.

Чтобы заработать двадцать рублей в месяц (необходимый прожиточный минимум того времени для студента), мне нужно было написать ежедневно около пятидесяти-семидесяти карточек, на что я тратил от трех до четырех часов. Лекции и уроки в институте отнимали у меня пять-шесть часов в день, остальное время уходило на подготовку к лекциям, урокам и на другую работу.

Учительский институт представлял собой закрытое учебное заведение. Его воспитанники были в особом, довольно строгом режиме. Я как своекоштный¹ жил на частной квартире. Это давало мне возможность более широкого и свободного ознакомления с различными течениями в тогдашней общественной и политической жизни, особенно с их проявлениями в студенческой среде.

Вскоре после моего приезда в Петербург мне пришлось участвовать в панихиде по Добролюбову. В годовщину его смерти студенты высших учебных заведений обыкновенно собирались на Волковом кладбище. Это были своего рода демонстрации, которые обычно разгонялись полицией. И на этот раз наше собрание на Волковом кладбище было разогнано.

Сохранились в памяти некоторые моменты этого события. С Волкова кладбища мы возвращались на конке. Конка тогда ходила еще по Невскому проспекту. Мы ехали на империале (верхнем, наружном ярусе конки) и, конечно, горячо обсуждали последние события. Вот здесь, на империале конки, я впервые услышал о книге Бельтова (Плеханова) «Монистический взгляд на развитие истории» и горячих

¹ Учившийся за свой счет.

спорах по поводу этой книги между сторонниками народников и марксистами. Споры между народниками и марксистами составляли тогда главное содержание общественных событий в Вольно-экономическом обществе и на студенческих вечеринках.

«Вечеринки» марксистов и народников обыкновенно происходили в разных местах, но на них являлись представители обоих направлений. На этих «вечеринках» я впервые услышал о Владимире Ильиче Ленине и о существовании «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В это время Владимир Ильич с другими организаторами «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» находились уже в ссылке.

Среди студенчества того времени в качестве одной из форм общения существовали многочисленные землячества. В землячестве студенты и студентки группировались не по признаку принадлежности к тому или иному общественному или политическому направлению, а по чисто территориальному. В политическом и общественном отношении землячества поэтому представляли чрезвычайно пеструю картину. Но нужно заметить, что в них все-таки объединялась наиболее передовая, прогрессивная часть студенчества.

В одном из таких землячеств – Муромском – мне пришлось принять участие. Здесь я познакомился с некоторыми, тогда очень интересными людьми. Так, познакомился с одним из крупных наших геологов и палеонтологов Анатолием Николаевичем Рябининым, бывшим тогда студентом Горного института.

Рябинин Анатолий Николаевич

Жил я тогда в так называемых Львовских домах на 10-й линии Васильевского острова. Эти дома были почти сплошь заселены студентами и курсистками. В одном из этих домов, во втором или третьем дворе, жила наша небольшая коммуна. В ее состав входили три слушателя Учительского института, одним из них был Петр Александрович Куликовский. Помню, что там жили студент Горного института Дмитрий Евграфович Левитский, студент Технологического института Сергей Густавович Петерс и двое слушателей Академии художеств по архитектурному отделению – братья Спанеры.

Все мы жили по одной лестнице. Трое нас, слушателей Учительского института, помещались в одной комнате. Все мы были бедны. Из нашей комнаты, пожалуй, я устроился наилучшим образом. Тогда я уже оставил писание карточек. Мне удалось найти довольно хороший по тому времени урок – готовил сына одного генерала для поступления в кадетский корпус, за что получал 25 рублей в месяц. Но зато приходилось с 10-й линии Васильевского острова ежедневно «стрелять» в Инженерный замок – это около Летнего сада. Удовольствие было, как говорят, ниже среднего. Даже в зимнее время мне приходилось совершать эти путешествия в осеннем пальто.

Все же среди своих товарищей я был «капиталистом и буржуем». Мои компаньоны по коммуналке и по комнате съедали без всякого зазрения совести мою булку, совершенно не заботясь о состоянии моего аппетита. Частными уроками я кормился вплоть до окончания курса в Учительском институте. Жизнь была полуголодная, но веселая.

В то время в Петербурге был подъем забастовочного движения. Только что закончилась большая забастовка, проходившая на ряде заводов и фабрик. Забастовки носили экономический характер. Прокламации, которые мы печатали, относились чаще всего к рабочим определенных предприятий и касались конкретных злободневных вопросов: снижения заработной платы, увольнения рабочих и т.д. Быва-

ло к утру «накатаем» несколько листов, рассуем их по карманам, в подкладку, чтобы не было заметно, и рано утречком идем в условленное место. Там освобождались от груза, который потом передавался по назначению.

Хорошо ли мы сами разбирались во всех политических вопросах? Пожалуй, нет. В рабочем движении тогда шла борьба между революционной линией Владимира Ильича и так называемыми экономистами. Как известно, представители экономического направления группировались вокруг газеты «Рабочая мысль».

Так вот, первый номер «Рабочей мысли» мы напечатали на нашем mimeографе и понимали это как наш революционный долг, лишь позже мы уяснили, какая разница между революционным направлением, которое отстаивал Владимир Ильич, и экономизмом. А в то время нам казалось, что раз печатаем нелегальное в нелегальной типографии, то мы-то настоящие революционеры и есть.

Весной 1899 г. я получил место учителя в Сампсониевском четырехклассном городском училище, где в течение трех лет преподавал начатки естествознания: ботанику, зоологию, минералогию и начатки физики.

Моя педагогическая деятельность продолжалась до начала 1903 года. В условиях царского режима она меня не удовлетворяла, хотя я и старался скрасить ее участием в общественной жизни. Я был довольно активным членом легальных учительских обществ взаимопомощи. Кроме того, я занимался изу-

Губкин И.М. –
учитель Сампсониевского училища.
С.-Петербург. 1898 г.

чением учебных и организационных вопросов в деле постановки преподавания в городских школах. В результате этой работы мною было написано несколько статей, помещенных в тогдашних педагогических журналах.

От политического движения в этот период своей жизни я определенно отстал. Революционные связи я потерял, а мой собрат по «типографии» Куликовский, как я уже позднее узнал, примкнул к эсерам. Я жил мечтою поучиться еще по-настоящему, так как считал, что полученное мною образование в двух педагогических школах является недостаточным, тем более что к педагогике особенной склонности я никогда не имел.

На последнем курсе учительского института я обзавелся семьей. Пятидесяти рублей в месяц моего учительского жалованья не хватало на самую скромную жизнь. Пришлось заботиться о том, чтобы увеличить эту сумму путем всяких приработков. Но, конечно, не это составляло главную цель моих мечтаний.

Основной целью моего существования было страстное желание во чтобы то ни стало пробиться в высшую школу. С аттестатом учительского института я в высшую школу поступить не мог, ибо учительский институт, так же как и учительская семинария, представляли собой учебные тупики. Учительский институт давал более или менее

завершенное педагогическое образование, но не давал права на поступление в высшую школу. Я пробовал поступить в только что открывшийся тогда Политехнический институт, писал и лично

Свидетельство о сдаче И.М. Губкиным экзаменов за гимназический курс. 1903 г.

ходил к тогдашнему его директору князю Гагарину, но получил от него короткий ответ:

– Вполне сочувствую вашим стремлениям, но ничего сделать не могу.

В высшую школу можно было попасть, имея на руках аттестат или свидетельство об окончании гимназии, реального училища или какой-нибудь другой соответствующей школы из предназначенных для лиц «благородного» и среднего состояния. Высшая школа для лиц так называемого «подлого состояния», к коим я принадлежал, была почти недоступна.

В начале девяностых годов правительство открыло некоторую отдушину. Для поступления в высшие технические заведения не требовалось сдачи экзамена по древним языкам.

Нужно было сдать обычный курс за гимназию с экзаменом по одному из новых языков – французскому или немецкому. Выдержавшему выдавался аттестат зрелости, с которым он не мог поступить в университет, но зато имел полное право поступить в любое из высших технических учебных заведений. Если же при этом дополнительно сдавалось еще испытание по латинскому языку, то с таким аттестатом можно было поступить и в университет.

Без особого труда я сдал весной 1903 г. экзамен за гимназию и получил аттестат зрелости.

Осенью 1903 г., когда мне было 32 года отроду, я по свирепому конкурсному экзамену поступил в число студентов Горного института.

И.М. Губкин (слева) на практике среди студентов Горного института. Урал. Березовский рудник. 1908 г.

Что представлял собою этот конкурсный экзамен? В Горный институт на пятьдесят вакансий подавалось 600–700 прошений. Приступало к экзамену не менее 500 человек. Можно себе представить, какое было там «избиение младенцев». Туда попадали, действительно те, которые были подготовлены и могли выдержать этот свирепый конкурс.

Почти 39 лет отроду я окончил Горный институт. Мне было сорок лет, когда началась моя научная деятельность. К этому времени у меня был большой научный багаж. Этим и объясняется, что моя дальнейшая научно-исследовательская работа так быстро развернулась.

1909 10 учебный год.

Освоившие курс наук.

По второму разряду:

2377. Петров, Сергей.	2395. Гармашев, Николай.
2378. Савицкий, Александр.	2396. Иванов, Николай.
2379. Марков, Петр.	2397. Исаев, Иван.
2380. Рязанский, Александр.	2398. Гаврилов, Георгий.
2381. Гаврилов, Иван.	2399. Кузнецов, Николай.
2382. Степанович, Федор.	2400. Кривошеин, Павел.
2383. Абрамов, Михаил.	2401. Губкин, Александр.
2384. Голубов, Николай.	2402. Гурьев, Петр.
2385. Карпов, Борис.	2403. Мельников, Владимир.
2386. Климов, Сергей.	2404. Юфров, Александр.
2387. Сивин, Михаил.	2405. Золотухин, Георгий.
2388. Исаев, Василий.	2406. Кваша, Георгий.
2389. Савицкий, Сергей.	2407. Подгорный, Иван.
2390. Епанчин, Валентин.	2408. Азаров, Сергей.
2391. Кизимов, Николай.	2409. Спасокукоцкий, Александр.
2392. Смирнов, Александр.	2410. Кучук-Аванд, Исидор.
2393. Наровица, Николай.	2411. Соболев, Александр.
2394. Стахевич, Григорий.	2412. Цербов, Василий.

Освоившие курс наук:

По первому разряду:

2413. Губкин, Иван.	2421. Мельников, Николай.
2414. Мельников, Александр.	2422. Дорогов, Сергей.
2415. Александров, Николай.	2423. Доронин, Леонид.
2416. Лихарев, Борис.	2424. Гаврилов, Николай.
2417. Таврица, Георгий.	2425. Гаврилов, Александр.
2418. Сухомин, Николай.	2426. Юфров, Николай.
2419. Лавин, Алексей.	2427. Гаврилов, Иван.
2420. Киселевич, Иван.	2428. Чупров, Михаил.
2421. Паников, Николай.	2429. Никитин, Федор.
2422. Прохоров, Константин.	2430. Никитин, Николай.
2423. Александр, Александр.	2431. Шенков, Виктор.
	2432. Гаврилов, Дмитрий.

Горный журнал. № 11-1923. С. 760

В 1910 году И.М. Губкин окончил с отличием Горный институт, вторым по списку выдающихся студентов, и получил чин титулярного советника (9 ранг).

Его определили на службу в Геологический комитет Министерства Государственных имуществ России

В 1908 году Губкин работал в Майкопском нефтеносном районе под руководством К.И. Багдановича, что во многом определило будущую судьбу Ивана Михайловича – он стал геологом-нефтяником

Рисунки из его полевых дневников И.М. Губкина

Во время работы в Майкопском, Анапско-Темрюкском и Таманском нефтеносных районах Губкин впервые применил метод построения карты подземного рельефа. Им был открыт рукавообразный тип месторождений и диапировые структуры с ядрами протыкания.

С 1913 по 1917 гг. И.М. Губкин вел геологические разведки на Апшеронском полуострове, в Майкопе и на Грозненских месторождениях.

По результатам этих исследований И.М. Губкин в 1915 году получил ранг надворного советника и звание геолога Геологического комитета, что представляло собой высшую геологическую квалификацию и соответствовало профессорскому званию

В науку я вошел хозяином. В этом мне помог мой большой жизненный опыт. К 1917 г. я, правда, смутно, но все же стал понимать, что нет науки без политики, и ученый не может, если он честен перед собой и наукой, быть «нейтральным» в политике.

Известие о Великой Октябрьской социалистической революции застало меня в Соединенных Штатах Северной Америки.

В 1917 году Временное правительство России командировало И.М. Губкина в США для изучения нефтяных месторождений и постановки нефтяного дела в Америке.

И.М. Губкин во время своей командировки объехал и изучил 17 основных месторождений США, наблюдал буровые работы и транспортировку нефти

В США Иван Михайлович принимал непосредственное участие в работах на нефтяных месторождениях

И.М. Губкин участвовал в работе Национального съезда геологов США.

Иван Михайлович был избран членом Американской ассоциации нефтяных геологов, Американского института горных инженеров и металлургов, Американского географического общества Нью-Йорка

Весною 1918 г., обогнув Европу, мы на траулере прибыли в советский Мурманск. Пролетарская революция была на подъеме, дел у молодой власти масса, и все же представители Мурманского совета нашли время встретить приехавших ученых, помочь им достать теплушку для привезенной из Америки геологической библиотеки и архива, а самих ученых усадить в купе международного вагона. Я никогда не забуду волнения, которое я испытал, ступив на родную землю, волнения, возросшего при виде ласкового и заботливого приема, оказанного нам.

В Петрограде меня ожидало распоряжение Высшего совета народного хозяйства выехать в Москву. В комнате № 434 II Дома советов («Метрополь»), куда меня поселили, впоследствии образовался советский Геологический комитет в противовес старому геолкому, не признававшему советской власти (не забудьте, то было время саботажа старой интеллигенции).

Я с большой горячностью стал работать в новом Геолкоме. Сделал доклад в ВСНХ об американских нефтяных промыслах. Меня пригласили помочь организовать нефтяной главк. Я охотно согласился. Главконефть был образован Декретом за подписью Владимира Ильича Ленина, я вошел в коллегия Главка. Немного позже я стал работать и по сланцевой промышленности.

В мае 1918 года я был назначен членом коллегии только что возникшего тогда Главного нефтяного комитета. В центральных учреждениях, последовательно заменявших Главконефть, я занимал ответственные должности вплоть до 1931 года, когда был назначен начальником Всесоюзного геологоразведочного объединения (Союзгеоразведка). Но и теперь, не занимая в нефтяной промышленности официального положения, я являюсь одним из ответственных руководителей геологоразведочного дела и нефтяной промышленности и часто получаю поручения от наших руководящих органов прорабо-

тать на месте тот или иной вопрос, касающейся разработки нефтяных месторождений. Наряду с работой в центральных нефтяных и горных административных учреждениях мне пришлось много времени уделить организации и развитию сланцевого дела. В течение 5 лет (с 1919 года по 1924 год) я руководил сланцевой промышленностью сначала в качестве председателя Главного сланцевого комитета, а потом директора правления сланцевой промышленности. За этот период была проделана большая работа по исследованию сланцевых месторождений вблизи Ленинграда и на Волге (Ундоры близ Ульяновска и Кашпир близ Сызрани), а также по практическому разрешению ряда задач, связанных с добычей и использованием сланца и сапропелей. Работа по организации и укреплению сланцевого дела в Советской стране по предложению В.И. Ленина отмечена высокой наградой: коллектив работников Главсланца был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Время было голодное, холодное. Враги тесным кольцом окружили Советскую республику. Нечем было отапливать здания, нечем было поддерживать огонь в топках паровозов и электрических станций, нечем было кормить население. А именно в эти тяжелые годы возник грандиозный по смелости план электрификации страны!

Крупнейшие специалисты-нефтяники: А.М. Абрамович, Д.В. Голубятников, И.М. Губкин, А.Н. Рябинин. Азербайджан, 1926 г.

С 1913 г. И.М. Губкин занимался разведкой на Апшеронском полуострове. Он установил, что основными чертами тектоники юго-восточной части Кавказа являются диапировые складки с ядрами протыкания, установил их связь с нефтяными месторождениями и грязевыми вулканами

Мне трудно найти слова, чтобы нарисовать хотя бы в отдаленной степени похожую картину творческого горения на работе того времени. В Главконефти мы, правда, сидели в шубах и перчатках, но работали, твердо веря, что и Баку, и Грозный, и Эмба, занятые тогда белыми, будут скоро нашими, советскими.

Первый съезд научно-технических работников горной промышленности, организованный Советом нефтяной промышленности. Москва, 1926 г. Среди делегатов председатель съезда И.М. Губкин, Н.Н. Тихонович, И.Н. Стрижов

В течение 5 лет, с 1920 по 1925 год, я состоял председателем Особой комиссии по изучению Курской магнитной аномалии при Президиуме ВСНХ. Работа этой комиссии, в которой принимали участие видные ученые: академик П.П. Лазарев и А.Д. Архангельский и многие другие, получила исключительное как научно-теоретическое, так и практическое значение. Была найдена причина огромнейшей магнитной аномалии, не имеющей примера во всем мире, и этой причи-

Академик П.П. Лазарев, И.М. Губкин и А.Д. Архангельский с членами Комиссии по изучению Курской магнитной аномалии. 1920-е гг.

Кривого Рога.

Изучение КМА распадается на два периода. Первый закончился в начале 1926 года. Он имел результатом выяснение причины аномалии и установление путем буровых работ наличия в области аномалии огромных залежей железорудных кварцитов. 7 апреля 1923 г. из скважины у села Лозовка уезда Щигры были добыты первые образцы железной руды КМА. За это открытие коллектив Особой Комиссии (сокращенно ОККМА) был награжден орденом Трудового Красного Знамени, а на сельскохозяйственной выставке в 1923 г. разведочные работы в КМА получили высшую Государственную награду.

Второй период изучения КМА начался в конце 1929 год. Научные наблюдения возложены на Наблюдательный Совет при Совете Труда и Обороне, в состав которого входят академики и представители мест (ЦЧО и Курской области). Результатом работ этого периода явилось открытие железных руд типа Кривого Рога с содержанием

Район Курской магнитной аномалии, г. Щигры. 1923 г.

Академик П.П. Лазарев, И.М. Губкин, инженер А.Я. Гиммельфарб (руководитель бурения)

В 1930-е годы после решения Правительства о возобновлении работ в районе КМА была создана Наблюдательная Комиссия по разведкам, в которую вошли академики И.М. Губкин (председатель), П.П. Лазарев, А.Д. Архангельский, проф. А.М. Терпигорев, проф. А.П. Поспелов и представители Госплана, Геолкома и других ведомств

С шахтерами КМА. 1956 г.
Справа – знатный шахтер
А.Г. Малыгин

железа от 55 до 67 % (Создан рудник для промышленной разработки этих руд в районе Старого Оскола).

В 1927 году я был директором московского отделения Геолкома. В Москве (хотя это и не входило в функции отделения) я организовал комиссию по поискам уральской нефти. Все говорило за то, что в отрогах Урала должна быть нефть, много нефти.

Но стоило мне и товарищам приступить к изучению этой проблемы, как консервативные ученые, начали невообразимую возню. Тогдашний председатель Геологического комитета злобно шипел:

– Нефть на Урале... Это даже не утопия! Это очередная авантюра Губкина, как и его курское железо.

Жизнь показала, что молодая советская геологическая наука оказалась целиком права. Курское железо – непреложный факт! И нефть на востоке Европейской части Союза – непреложный факт!

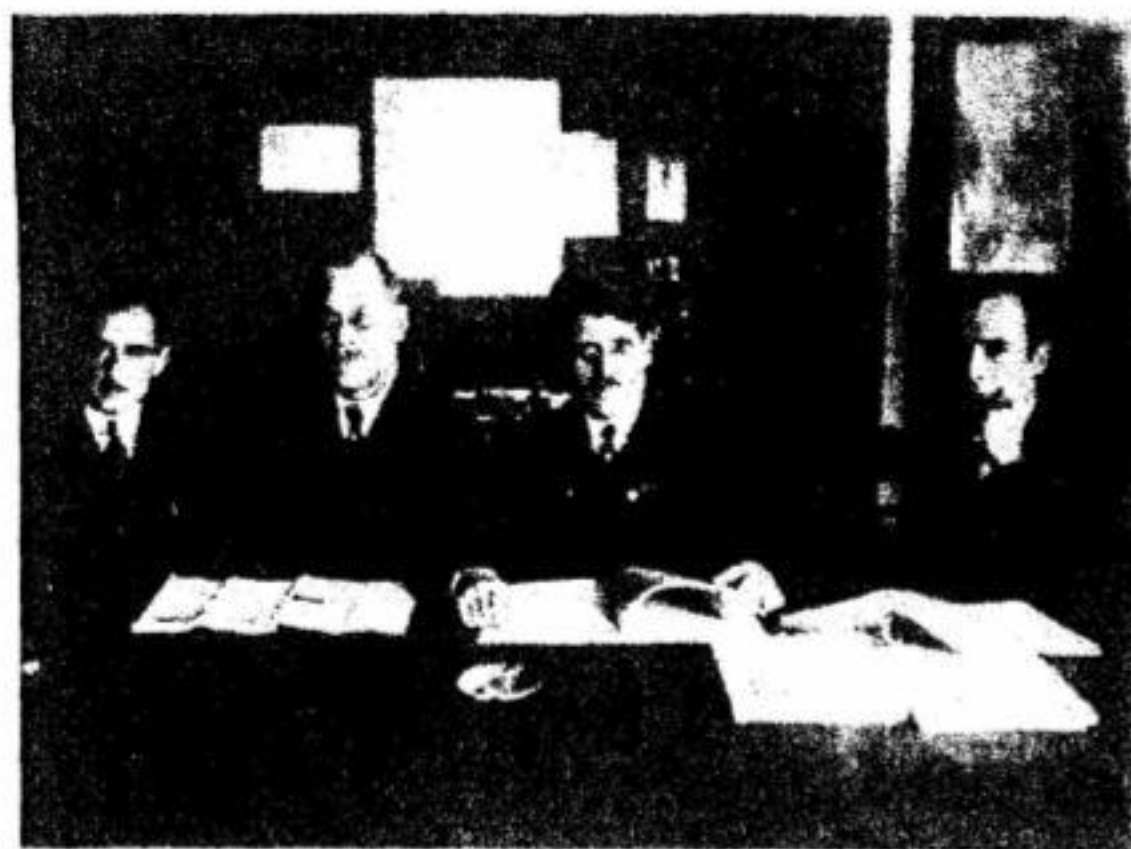
Через несколько месяцев после того, как профессор столь нелестно аттестовал желание искать нефть на Урале, нефть была найдена в Чусовских Городках. Искали калий, а нашли нефть. Случайно, но нашли! Наше научное предчувствие целиком оправдалось.

А теперь нефть найдена и добывается в Ишимбае, в Сызрани, на Каме, в Бугульме, в Бугуруслане и во многих других местах. На Востоке закладывается вторая нефтяная база СССР.

Иногда меня огорчает мой возраст. Хочется еще многое сделать, а лет уже многовато. Но огорчения эти мимолетны, ибо я еще, как говорят спортсмены «в полной форме». ...

Коротенько упомяну, что с 1921 по 1929 год я состоял бессменно членом Госплана, где одно время принимал активное участие в работах секции по внешней торговле сначала в качестве зам. председателя, а потом председателя этой секции. Работал также в топливной секции, но не активно, а время от времени, главным образом по нефтяным вопросам. Я был одним из инициаторов и учредителей Совета нефтяной промышленности, его председателем. В Совете сосредоточивалась научно-техническая общественность нефтяной промышленности и научно-техническое издательство. Мне пришлось руководить этим делом с самого начала и по сие время я состою ответственным редактором журнала «Нефтяное хозяйство».

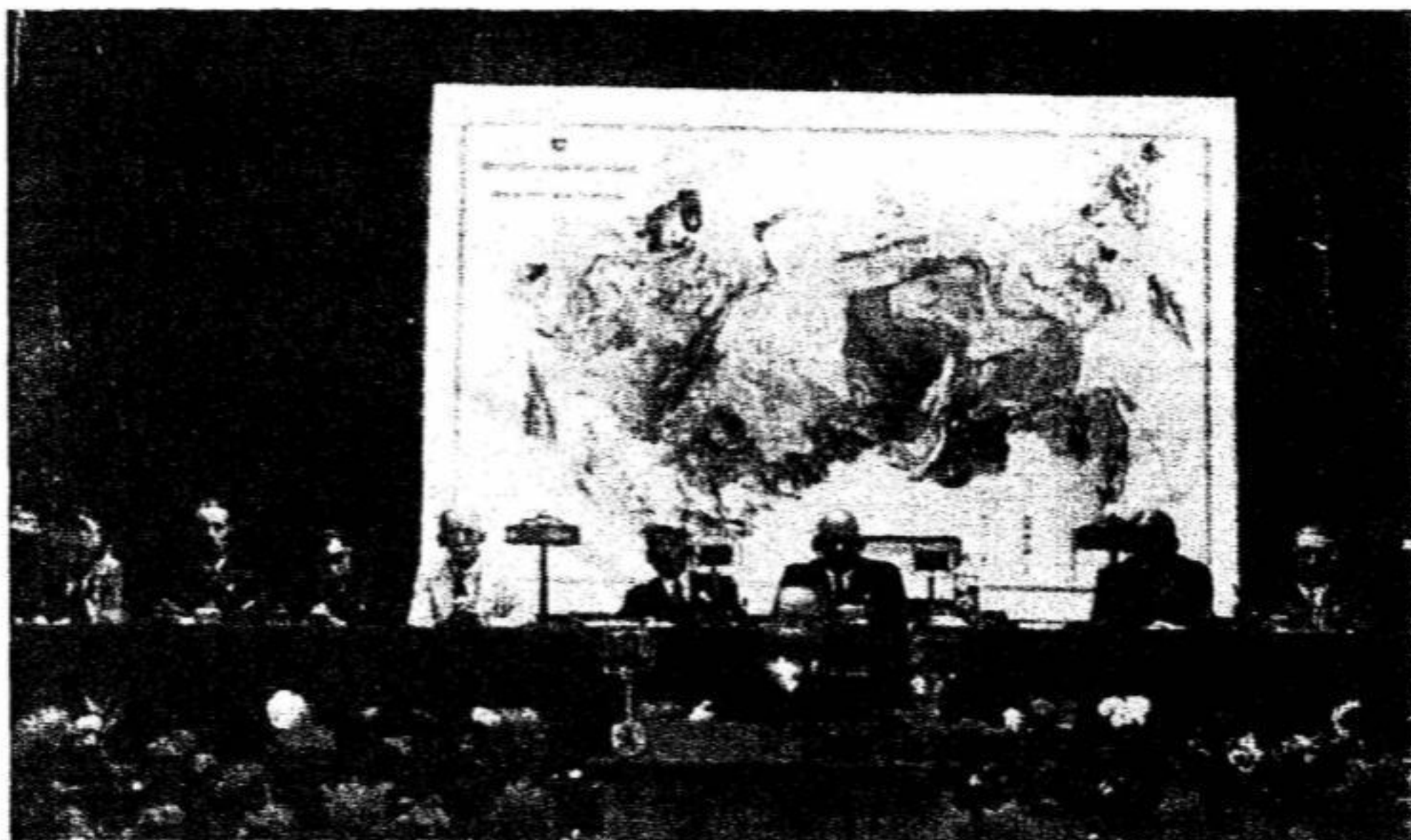
... Я непосредственно руководил, начиная с 1919 по 1928 г., т.е. почти в течение 10 лет, Московским отделением Геологического комитета, возникшего в Москве по моей инициативе. Около 2,5 лет я был оторван от руководства геологической службой в стране, а начиная с августа 1931 года я стал во главе этого руководства, сначала в качестве начальника Всесоюзного геолого-разведочного объединения (Союзгеоразведка), а потом в качестве начальника Главного геологического управления. ...

В 1933 году я был делегирован на Мировой геологический конгресс в Вашингтоне, где по поручению нашего Правительства мною было оглашено при-

Редакция журнала «Нефтяное хозяйство». 1920-е гг.

Слева направо: П.М. Шох, И.Н. Стрижов, И.М. Губкин, В.Н. Якубов

И.М. Губкин – Президент XVII сессии Международного геологического конгресса. Москва. 1937 г.

глашение созвать следующий конгресс в стране Советов. Это предложение было принято единодушно. В качестве Президента организационного комитета мною вместе с рядом виднейших геологов нашей страны, была подготовлена XVII сессия этого конгресса.

Выступление на XVII сессии Международного геологического конгресса. Москва. 1937 г. Из документального фильма

И.М. Губкин на банкете по случаю завершения XVII сессии Международного геологического конгресса. Москва. 1937 г.

Помимо руководства геологической службой страны я часто уезжаю в районы и принимаю участие в рядовой работе в качестве полевого геолога. Эта работа доставляет мне особое удовольствие и удовлетворение.

Начальник Азнефти М.В. Баринов и И.М. Губкин в экспедиции в районе Кабристанских пастбищ. 1920-е гг.

Занимая руководящие должности в нефтяной промышленности, И.М. Губкин продолжал работать в качестве нефтяного геолога.

Первую геологическую съемку нефтяных месторождений в Кабристанских пастбищах произвел И.М. Губкин

Губкин И.М. в экспедиции на Кавказе

Наряду с административной, общественной и научной деятельностью много времени и сил я отдал педагогической деятельности по подготовке кадров.

В сентябре 1920 года я был избран профессором Московской горной академии по кафедре нефтяной геологии. Профессорской деятельностью я занимался вплоть до последнего времени...

В дореволюционное время специального нефтяного образования не существовало, даже кафедры нефтяного дела не имели дореволюционные горные вузы. В 1920 г. по моей инициативе на горном и геолого-разведочном факультетах Московской горной академии была организована нефтяная специальность, для которой был привлечен ряд специалистов по различным отраслям нефтяного дела.

И.М. Губкин – ректор Московской горной академии имени И.В. Сталина

Директор Московского нефтяного института И.М. Губкин с сотрудниками.
Среди них С.Д. Харламов, Б.М. Соколовский, А.А. Никишин, Н.А. Липатов, А.М. Будагов, В.С. Яблонский, А. Власенко.
1930-е гг.

В 1918 году в Москве была учреждена как высшее горное научно-учебное заведение Московская горная академия.

И.М. Губкин в 1920 году был приглашен в МГА профессором.

В 1921 году он назначен проректором Академии, а в 1922 году был избран ректором.

С приходом Губкина в МГА началось становление высшего нефтяного образования в стране.

В 1930 г. МГА была расформирована, на основе ее факультетов были созданы 6 технических вузов, в том числе – Московский нефтяной институт. Директором института был назначен академик И.М. Губкин. Этим же приказом № 1238 МНИ было присвоено имя академика Губкина.

И.М. Губкин среди сотрудников Государственного исследовательского нефтяного института. 1933 г.

Слева направо: профессор Л.А. Борисов, д.т.н. А.Б. Шейнман, академик И.М. Губкин, д.т.н. К.К. Дубровай, начальник Главнефти М.В. Баринов, зам. начальник Главнефти С.А. Гутин

Созданный И.М. Губкиным в 1924 г. Государственный исследовательский нефтяной институт затем был передан Научно-техническому управлению ВСНХ СССР. Директором ГИНИ бессменно оставался И.М. Губкин

Нефтяная специальность выросла потом в самостоятельный нефтяной факультет, а при расформировании Московской горной академии в 1930 году из ее состава был выделен самостоятельный нефтяной втуз – Московский нефтяной институт... Тогда же я возглавил МНИ в качестве директора. За мои заслуги в деле подготовки кадров особым приказом по ВСНХ СССР Московскому нефтяному институту было присвоено мое имя.

В 1924 году при Московской горной академии был создан научно-исследовательский институт, который впоследствии был передан в ВСНХ СССР под именем Государственного исследовательского нефтяного института (ГИНИ) и которым я руководил до 1934 года, до его расформирования.

ПРИКАЗ № 1238
от 17 апреля 1930 года ВСНХ СССР

В развитие постановления президиума Высшего совета народного хозяйства СССР от 15/II 1930 года и во исполнение постановления правительственной комиссии от 15/IV 1930 года ПРИКАЗЫВАЮ:

§ 1.

Московскую горную академию имени т. Сталина - расформировать.

§ 2.

На базе Московской горной академии имени т. Сталина создать шесть высших технических учебных заведений, а именно: институты - Горный, Черной металлургии, Цветных металлов и золота, Торфяной, Нефтяной и Геолого-разведочный.

§ 3.

Названные институты передать по принадлежности в ведение:

...Институт нефтяной - объединению нефтяной промышленности "Союзнефть".

§ 6.

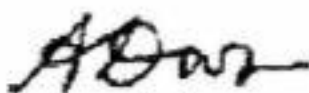
... вступить в исполнение обязанностей директоров вновь организуемых высших технических учебных заведений:

Института нефтяного - академику И.М.Губкину.

§ 8.

Учитывая огромные заслуги академика И.М.Губкина в деле организации высшей школы по подготовке инженерно-технических кадров социалистической промышленности, в частности, по созданию мощной Московской горной академии, на базе которой ныне организуются вышеперечисленные институты, присвоить вновь организуемому Московскому нефтяному институту имя Ивана Михайловича Губкина

Зам. председателя ВСНХ СССР

А.Догадов

Нач. Главпромкадра ВСНХ СССР

Д.Петровский

В январе 1929 года я был избран действительным членом Академии наук СССР по кафедре геологических наук. Помимо моей научной работы в области нефтяной геологии, являющейся моей основной специальностью, я руковожу в качестве председателя Советом по изучению производительных сил Академии наук СССР и состою директором Института горных ископаемых при АН СССР. В Институте горных ископаемых под моим непосредственным руководством работает лаборатория генезиса нефти и нефтяных месторождений. За свои научные работы в области нефтяной геологии я получил премию имени В.И. Ленина, ВЦИК РСФСР удостоил меня званием Заслуженного деятеля науки и техники. В связи с выполнением нефтяной промышленностью первой пятилетки в 2,5 года награжден орденом Ленина с занесением на Всесоюзную доску Почета ИТР...

В 1928 году я принимал участие в Международной топливной конференции в Лондоне, а в 1933 году в Международном геологическом конгрессе в Вашингтоне, где сделал доклад на английском языке: «Тектоника Юго-восточной части Кавказа в связи с ее нефтеносностью». Этот доклад был напечатан в «Bulletin of the American Association of the Petroleum Geologist». Я состою членом ряда научных

В декабре 1928 г. И.М. Губкин был избран действительным членом Академии Наук СССР. Его кандидатуру в АН СССР выдвинули 9 научных учреждений

Губкин И.М. в своем кабинете в Академии наук СССР. 1930-е гг.

обществ: Минералогического, Палеонтологического, Географического и других, а также членом иностранных научных обществ.

В марте 1921 года я был принят членом РКП(б) без предварительного кандидатского стажа.

Всего мною напечатано и опубликовано более 200 трудов и статей. Они посвящены вопросам: во-первых, нефтяной геологии, во-вторых, разработки нефтяных месторождений, в-третьих, геологии третичных образований Кавказа, в-четвертых, минерально-сырьевой базы нашего Союза и другим вопросам геолого-разведочного и горного дела.

В 1933–1934 году И.М. Губкин во главе комиссии выезжал для исследования месторождений нефти и газа в районы Гаурдага, Каракумов, Ферганы, Дербента, осмотрел бугры, карьеры, битуминозные сланцы, отвалы и предсказал великое нефтегазовое будущее этих регионов. Осмотр этих месторождений позволил Губкину предсказать, что Туркмения и Узбекистан станут в перспективе одними из крупнейших нефтегазовых комплексов СССР.

Руководя Советом по изучению производительных сил АН СССР, И.М. Губкин поставил задачу комплексного исследования регионов, от географии и геологии до сельского хозяйства и культуры. Определив 10 важнейших регионов для комплексного исследования, И.М. Губкин сам участвовал в экспедициях

И.М. Губкин в геологической экспедиции в Средней Азии

В 1930 году И.М. Губкин был избран председателем Совета по изучению производительных сил СССР (СОПС), зав. секторами СОПС стали акад. А.Е. Ферсман и акад. Н.С. Курнаков.

СОПС под руководством И.М. Губкина занимался изучением производительных сил среднеазиатских республик, Урало-Поволжья, Сибири и других регионов

По инициативе СОПС при АН СССР и под руководством И.М. Губкина была созвана конференция по изучению производительных сил Туркмении. Ашхабад. 1934 г.

В Президиуме конференции Президент АН СССР А.П. Карпинский, акад. С.И. Вавилов, академик В.Л. Комаров, академик И.М. Губкин

Деятельность СОПС под руководством И.М. Губкина подчинялась принципу «наука – производству».

В 1936 г. Губкин был назначен председателем Геологической группы АН СССР, которой подчинялись 9 НИИ.

Работники геологической службы с И.М. Губкиным и Нарком тяжелой промышленности СССР С. Орджоникидзе. 1935 г.

На сессии АН СССР И.М. Губкин выступал с докладом «Урало-Эмбенский нефтеносный район – главнейшая составная часть второй нефтяной базы СССР».

С 1930 г. И.М. Губкин руководил Советом производительных сил в Академии Наук СССР, являлся Директором Института горючих ископаемых, где создал лабораторию по генезису нефти.

Президент АН СССР В.Л. Комаров и И.М. Губкин на выездной сессии АН СССР. 1936 г.

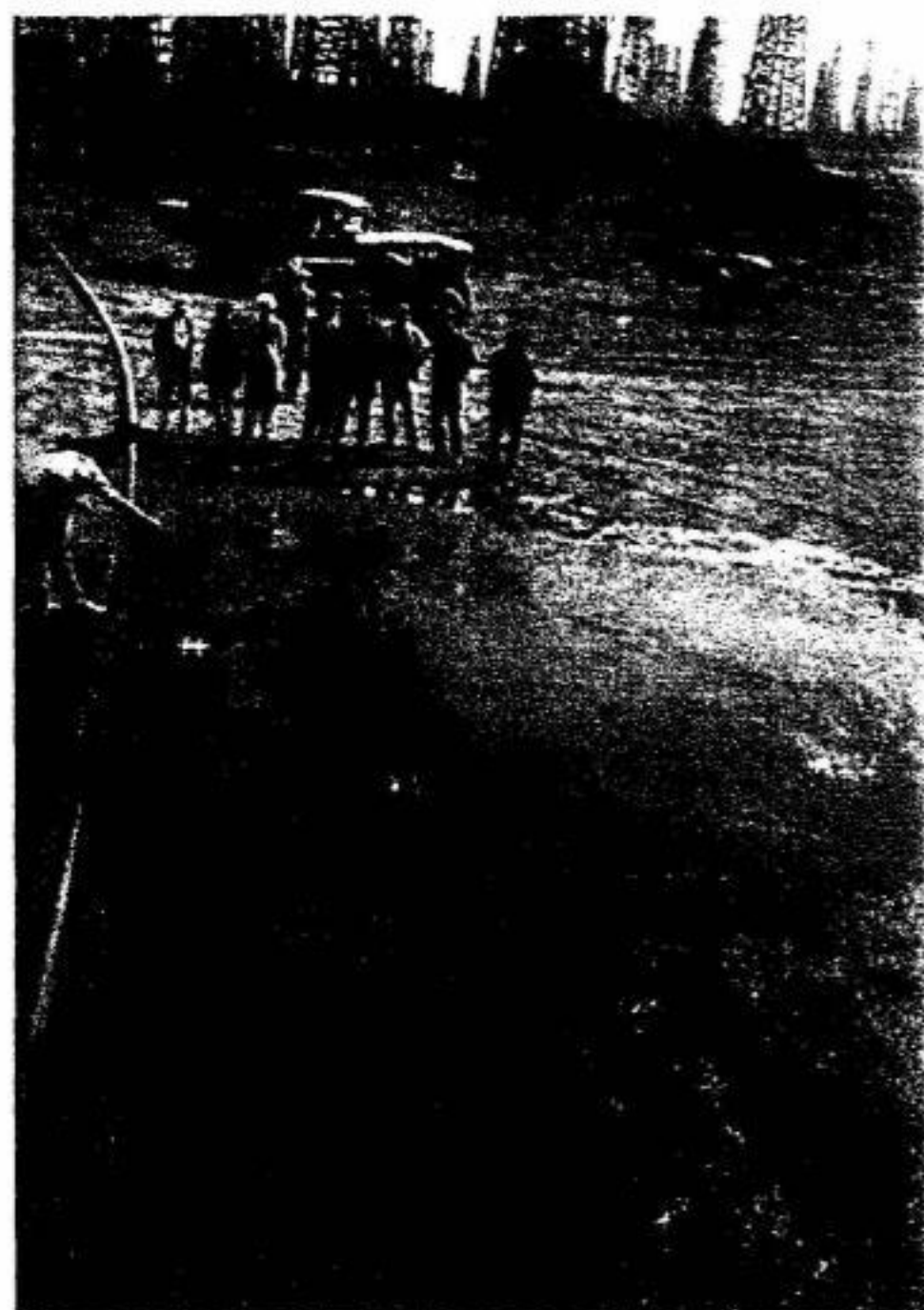
Выступление И.М. Губкина на встрече с ударниками Выборгского района Ленинграда. 1931 г.

**И.М. Губкин и Н.А. Сорокин с нефтяниками в Нефтегорске.
Северный Кавказ. 1934 г.**

Академик И.М. Губкин и профессор Н.А. Сорокин – руководители эксперимента по термическому способу добычи нефти.

В 1935 году в связи с выбросом нефти и грязи на промысле им. Азизбекова, затопившим большую территорию, для консультации был приглашен И.М. Губкин.

**Выброс нефти на промысле имени
Азизбекова. Апшерон.
Третий слева – И.М. Губкин**

Выступление И.М. Губкина перед избирателями. Баку

Несмотря на свои 65 лет, убеленную сединами голову, я полон жизнерадостности и энергии и никак не чувствую себя стариком. Как перед молодым, передо мною «жизни даль лежит светла, необозрима». Мне хочется жить, чтобы видеть хоть краем ока воплощение в жизнь идеалов общественной справедливости, торжество труда.

В декабре 1937 г. я был в Баку, выступал перед избирателями Бакинско-Кировского избирательного округа, выставившими мою кандидатуру в депутаты Верховного Совета СССР. Большая честь и большое счастье быть избранником народа! С того дня, как я узнал, что меня просят баллотироваться в Верховный Совет, меня не покидало радостное волнение. Скромничать здесь нечего; очень приятно и радостно было узнать о таком высоком доверии, но и чувство ответственности-то какое!

*В 1937 году И.М. Губкин был избран депутатом
Верховного Совета СССР от АзССР*

**Иван Михайлович Губкин на
сессии Верховного Совета
СССР. 1938 г.**

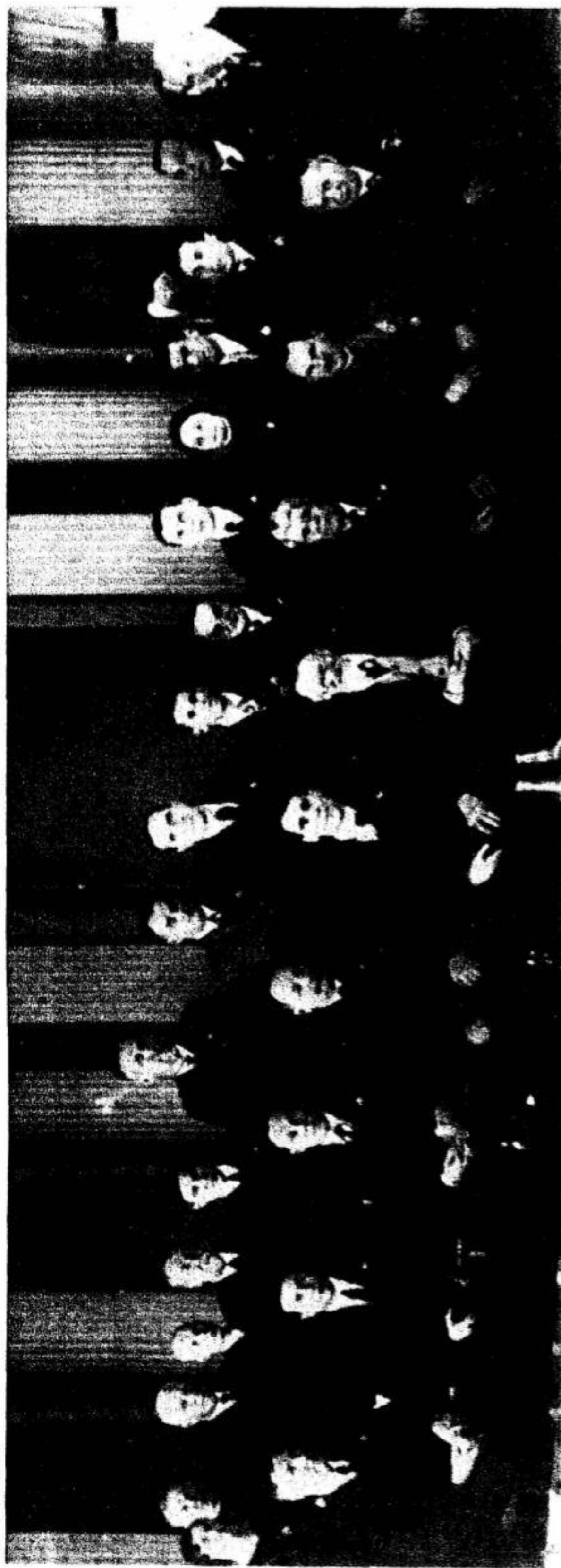
В 1937 г. И.М. Губкин был утвержден председателем Азербайджанского филиала Академии Наук СССР

И.М. Губкин был награжден Ленинской премией в 1929 и 1931 годах, орденом Ленина – в 1937 году, Орденом Трудового Красного Знамени – в 1939 году. В 1937 году ему было присвоено звание Заслуженного деятеля науки и техники РСФСР.

Академики Г.М. Кржижановский, А.Н. Бах и И.М. Губкин после вручения государственных наград в Кремле

Из Постановления Верховного Совета СССР «О награждении работников бывшей Горной Академии»:
 «...за долголетнюю честную работу по выращиванию и воспитанию технических кадров для промышленности
 наградить Орденом Трудового Красного Знамени ... Губкина И.М., академика, профессора...»
 (Ведомости Верховного Совета СССР от 3 марта 1939 г. № 5).

Москва. Кремль. Председатель Верховного Совета СССР М.И. Калинин, И.М. Губкин и преподаватели МНИ, награжденные орденами и медалями в связи с 20-летием образования Московской Горной Академии. 1939 год.

По признанию современников Иван Михайлович Губкин всегда был доброжелательным и отзывчивым человеком

И.М. Губкин с женой Варварой Ивановной

Академик И.М. Губкин с пионерами школы поселка Томилино Московской области. Середина 1930-х гг. (фотография из газеты)

ПОСЛЕСЛОВИЕ

И.М. Губкин (1871–1939) – выдающийся российский геолог, один из руководителей геологической службы страны в 20–30-е годы XX века, действительный член Академии Наук СССР (с 1929 г.), вице-президент АН СССР (с 1936 г.).

И.М. Губкин – основоположник российской школы геологов-нефтяников, сыгравший поистине огромную роль в становлении и развитии отечественной нефтяной геологической науки и практики, а также высшего нефтяного образования в нашей стране.

Академик И.М. Губкин относится к той плеяде русских интеллигентов, целью и смыслом жизни которых было подвижническое служение Отечеству.

Своими выдающимися научными трудами и грандиозными практическими делами Иван Михайлович Губкин завоевал всемирное признание как основоположник российской нефтегазовой геологии. С каждым годом значение его многогранной научной и государственной деятельности раскрывается во все возрастающем величии по мере того, как в ходе развития геологической науки, нефтяной и газовой промышленности проходит проверка жизнью его теоретических выводов и практических предложений. Губкин был выдающимся ученым широкого профиля и работал над проблемами тектоники, стратиграфии, палеогеографии, грязевого вулканизма, диапиризма и др. В какой бы области, в каком бы районе он ни работал, ему всюду удавалось открывать существенно новое, несмотря на предшествующие работы зачастую выдающихся исследователей. Он установил ряд новых стратиграфических единиц и уточнил возраст ряда известных уже свит и ярусов, открыл новый тип тектоники, в ряде районов пе-

реработал и уточнил всю стратиграфию и т.д. Им была создана теория стадийного развития процесса нефтеобразования и нефтенакопления и формирования скопления нефти в земной коре, что представляет собой целостный естественно-исторический геологический процесс, генетически теснейшим образом связанный с направленным развитием литогенеза и тектогенеза в земной коре.

Теоретические исследования, проведенные под руководством И.М. Губкина, явились основой учения о происхождении нефти и условиях формирования нефтяных месторождений, позволили научно обосновать направление поисковых работ и привели к открытию новых крупнейших нефтяных районов в стране. Он был организатором по изучению четвертичных отложений Европы, возглавлял Комиссию по составлению Международной четвертичной карты Европы.

По окончании Петербургского Горного Института в 1910 году он занимался геологическими разведками на нефть в районе Майкопа, на Тамани, на Апшероне и в других районах страны. С начала геологической деятельности зарекомендовал себя как ученый-исследователь. Принимал деятельное участие в чрезвычайных органах Временного правительства по топливу. В 1917 году был командирован в США для изучения постановки нефтяного и газового дела в Америке.

С 1918 г. член Государственной общеплановой комиссии СТО, член Главного нефтяного комитета, с 1919 г. – председатель коллегии Главного сланцевого комитета, с 1920 г. – председатель Особой Комиссии по изучению Курской магнитной аномалии, с 1922 г. – председатель Московского отделения Геологического комитета.

С 1920 г., будучи приглашенным в качестве профессора в Московскую горную академию, впервые в нашей стране организовал высшее нефтяное образование. При этом Губкин пошел на активное привлечение к педагогической деятельности наиболее крупных уче-

ных и специалистов страны, работавших по нефтегазовой проблематике, в том числе таких корифеев, как геологи А.Д. Архангельский и Д.В. Голубятников, механик Л.С. Лейбензон, химик-органик С.С. Наметкин и другие. Сам Губкин впервые в СССР начал читать общий курс геологии нефти и специальный курс геологии нефтяных месторождений. В 1922 г. Губкин был избран ректором МГА, в 1925 г. создал в МГА лабораторию по геофизическим методам разведки полезных ископаемых.

В 1930 г., после реорганизации МГА он становится директором Московского нефтяного института, сформировав высочайшего уровня преподавательский коллектив, создав соответствующую инфраструктуру кафедр, учебных предметов, лабораторий для качественной подготовки специалистов нефтяного дела. Его классические труды, изданные как учебные пособия – «Учение о нефти» и «Мировые нефтяные месторождения» – способствовали формированию новой отрасли геологических наук – науки о геологии нефти.

В 1930 г. после своего избрания в действительные члены АН СССР Губкин становится председателем Совета по изучению производительных сил СССР при АН. Под руководством И.М. Губкина СНП занимается комплексным исследованием регионов и разработкой проектов их развития.

Исключительное значение имеет государственная деятельность И.М. Губкина как организатора и бессменного руководителя геологической службы страны. С середины 20-х годов Губкин возглавлял Союзгеолразведку, Главное геологогидрогеодезическое управление, Главное геологическое управление Наркомата тяжелой промышленности, был Председателем Главного государственного Ученого Совета, возглавлял Совет нефтяной промышленности, был директором Института горючих ископаемых, директором Государственного исследовательского нефтяного института, Председателем Совета по

изучению производительных сил СССР, Председателем Азербайджанского филиала АН СССР и т.д. Занимая высокие должности в геологии, И.М. Губкин настойчиво проводил идею комплексного развития поисково-разведочных работ, применения геофизических, геохимических и других новых методов разведки. Осуществление его смелых новаторских научных прогнозов привели к раскрытию колоссальных нефтяных и газовых запасов Азербайджана, Северного Кавказа, Урало-Поволжья, Коми АССР, Средней Азии, Западной Сибири. Он первым пришел к твердому убеждению об огромных запасах нефти и газа районов Второго Баку, он дал обстоятельное научное обоснование прогнозов нефтегазоносности Западной Сибири, подчеркивая, что этот район будет иметь громадное мировое значение.

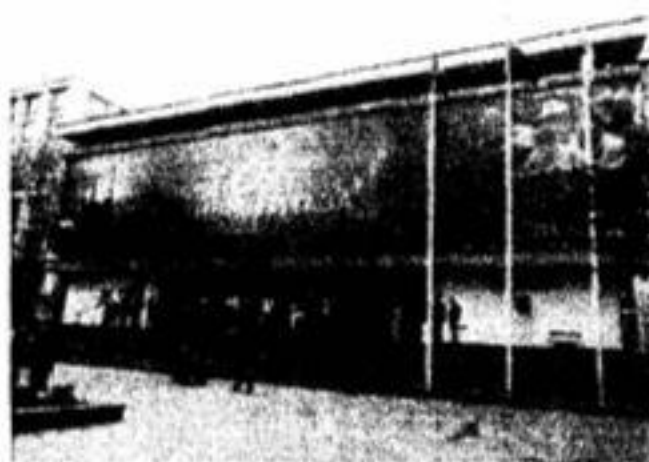
И.М. Губкин был организатором геологических работ по созданию нефтяной базы страны между Волгой и Уралом – «Второго Баку». Под его руководством разрабатывались вопросы создания минерально-сырьевой базы Урало-Кузнецкого комбината, Караганды, Алтая, Сибири, Дальнего Востока и Средней Азии.

И.М. Губкин неоднократно представлял нашу страну на международных форумах ученых: на Международной топливной конференции в Лондоне, на Международном геологическом конгрессе в Вашингтоне (1933 г.), Международном Брюссельском конгрессе мира и т.д. В 1937 г. Губкин был единодушно избран делегатами XVII сессии Международного геологического конгресса Президентом форума.

Именем И.М. Губкина названы:

- Российский государственный университет нефти и газа в г. Москва;
- г. Губкинский Ямало-Ненецкого АО;
- г. Губкин Белгородской области;
- районный центр в Белгородской обл.;
- нефтегазоконденсатное месторождение в Западной Сибири (бассейн р. Тавды);
- нефтегазоносная площадь в Тюменской обл.;
- шахта в районе КМА;
- премия АН СССР, РАН и НТО нефтяников и газовиков;
- премия Научно-технического общества нефтяников и газовиков;
- Межрегиональная общественная организация «Научно-техническое общество нефтяников и газовиков имени академика И.М. Губкина»;
- посёлок в Шаумянском районе (Азербайджан);
- Центральная профсоюзная библиотека в г. Баку (Азербайджан);
- скалы в массиве Вольтат на Земле Королевы Мод в Антарктиде;
- банка в Карском море;
- Государственные стипендии студентам и аспирантам;
- улицы в городах: Москва, Белгород, Верхотурье, Волгоград, Екатеринбург, Ишимбай, Казань, Краснодар, Кысыл-Сыр, Муром, Новочеркасск, Октябрьский, Омск, Ярославль, Салехард, Сургут, Сызрань, Ухта;
- улицы в поселках: Парма Усинского р-на республики Коми, Правдинск и Тарко-Сале Тюменской обл.

Гараевская И.А., Ефимочкина Н.Б.

И.М. Губкин

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

Редактор *Л.А. Суаридзе*
Компьютерная верстка *И.В. Севалкина*

Подписано в печать 10.11.2011. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».
Усл. п.л. 3,75. Тираж 200 экз. Заказ № 479

Издательский центр
РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина
Ленинский просп., 65
Тел./Факс: 8(499)233-95-44